

# Археологические Вести

№ 6



ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1999

# О БАЛТАХ В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ РОССИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

М. М. КАЗАНСКИЙ\*

Присутствие балтских элементов в лесной зоне России в начале средневековья неоднократно отмечалось исследователями. Балтская топонимия хорошо представлена в зоне культуры длинных курганов (Седов 1994: 303), на Северо-Западе она составляет 5% (Агеева 1989: 186), отмечены гидронимы западно-балтского происхождения (Агеева 1989: 199). Балтские украшения, такие как браслеты с расширяющимися концами, спиральные браслеты, гривны присутствуют в погребальном инвентаре псковских длинных курганов III—VII вв. (Александров, Ершова 1992: 19). В этом нет ничего удивительного, балтская экспансия в разных направлениях, в частности в Мазурии и Пруссии, засвидетельствована для III в. археологическим материалом (Godłowski 1980, Godłowski 1981; Кулаков 1994: 14, 23, 31). В данной работе я попытаюсь представить летто-литовские и западно-балтские находки эпохи великого переселения народов происходящие из лесной зоны России и дать их интерпретацию.

Как уже было сказано, балтские металлические изделия отмечены в погребальном инвентаре псковских длинных курганов. В погребальном инвентаре могильников Рысна-Сааре 1 (курган 6), Светлые Вешки, Левоча—Кобожя, Любахин 1 (курган 1) были обнаружены язычки пряжек с широким прямоугольным основанием (рис. 1: 1, 2, 4, 5, 7) (Аун 1992: рис. 52: 7; Корзухина 1978: табл. 14: 10; Пронин 1988: рис. 1: 7; Башенькин 1995: рис. 8: 8). Вне зоны длинных курганов пряжки с такими же язычками происходят с городища Демидовка на Смоленщине (тушемлинская культура) и из могильника рязано-окского типа Борки (рис. 1: 5, 7) (Амброз 1970: рис. 1: 2, 3). Наконец, находка на некрополе колочинского типа Картамышево, в бассейне верхнего Псла (рис. 1: 6), интерпретированная как фибула (Терпиловский 1986: рис. 39: 10), также является по всей видимости язычком массивной пряжки. Пряжки с язычками, имеющими широкое прямоугольное основание особенно хорошо представлены у запад-

ных балтов V—первой половины VI вв. в восточной Пруссии (Aberg 1919: 109; Кулаков 1989: 162). Прототипы их находятся в меровингских и средиземноморских древностях (Merowingertzeit 1995: Taf. 29; Picardie 1986: № 44, 111; Bierbrauer 1975: Taf. 31: 4, 82: 4; Kazanski 1994: fig. 7: 4, 15: 2). Пряжка с трапециевидным основанием язычка из Рысна-Сааре 2 (рис. 1: 8) (Аун 1992: рис. 52: 6) имеет прямые аналоги в Пруссии, на некрополе Тумяны (Кулаков 1989: рис. 35: 2). Прототип этих пряжек подставлен на Дунае, в древностях гепидов, на могильнике Кормадин-Яково (Vinski 1957: pl. 18: 64). Фибула с гарнитурой из колец была найдена на городище Городня на Гдовщине (рис. 1: 11) (Tallgren 1938: fig. 14). Такие фибулы распространяются у прибалтийских финнов в V—VI вв. под влиянием балтов (Аун 1985).

Как мы уже видели, балтские вещи V—VI вв. распространяются в лесной зоне и за пределами территории культуры длинных курганов. Так, на Щербинском городище дьяковской культуры была обнаружена подвеска, аналогичная известным в восточнолитовских курганах V—VI вв. (рис. 1: 9) (Розенфельд 1982: 67: 69). Фасетчатая гривна из Мамекино на Десне (рис. 1: 3) (Корзухина 1978: табл. 3: 4), возможно, также является балтской. По крайней мере такие гривны хорошо известны в кладях Латвии и Эстонии V в. (Корзухина 1978: 59). Но с другой стороны, известны они для того же времени и на Балканах (Miletì 1978: fig. 1). Пряжка с крыльчатим основанием язычка (рис. 1: 13) из Селиксенского могильника в Пензенской области, принадлежавшего древней мордве (Полесских 1962: рис. 4: 5) имеет близкие аналоги в Прибалтике, на литовском некрополе Судата V—VI вв. (Kaczynski 1963: fig. 1). Пряжки из Судаты и Селиксенского могильника принадлежат большой группе изделий с кольцом В-образной формы, удлинненным щитком и язычком с крыльчатым основанием, распространен-

\* C. N. R. S. — U. A. 880. Musée des antiquités nationales. 78103. Saint Germain en Laye. France.

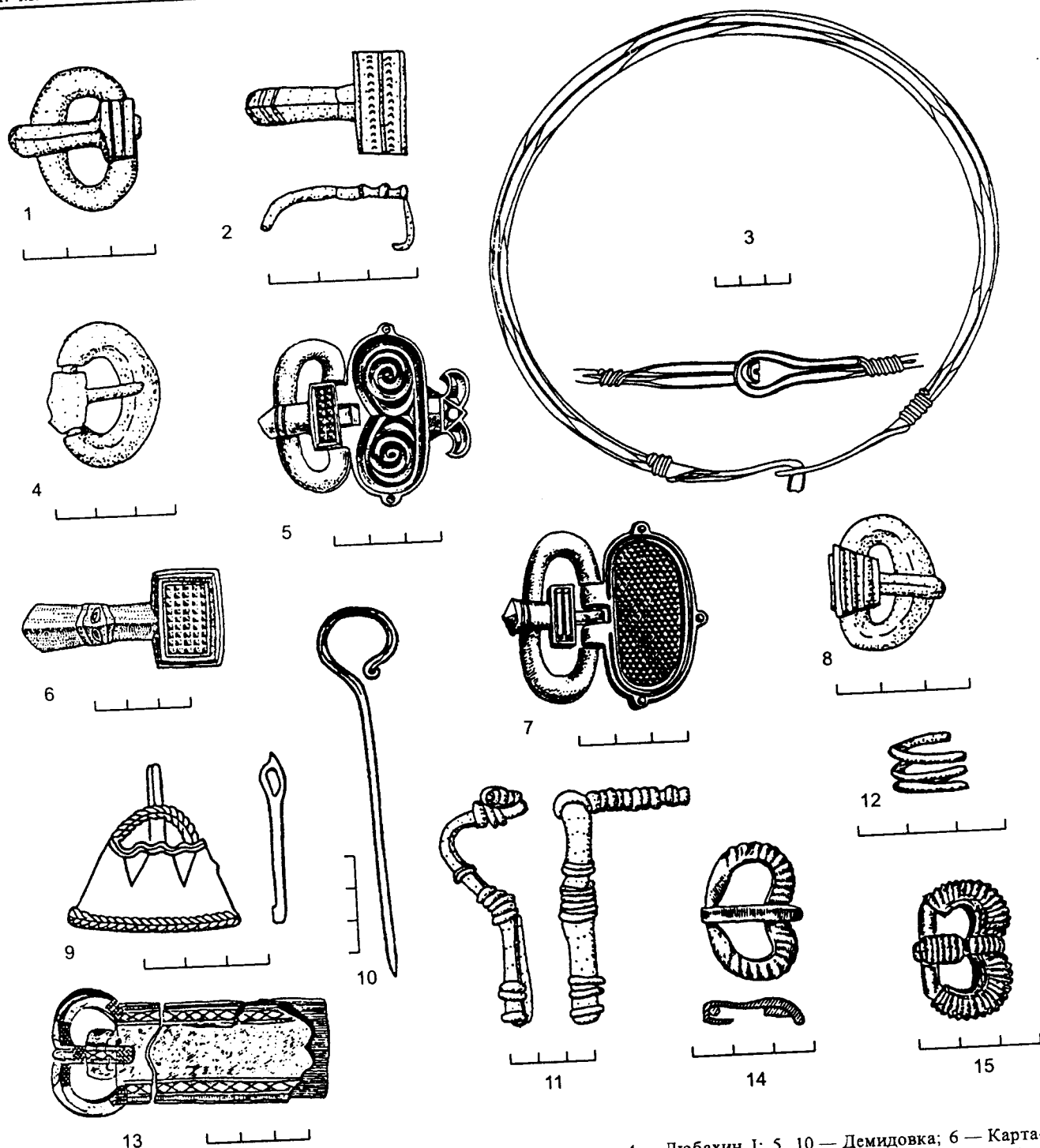


Рис. 1 1 — Левоча—Кобожа; 2 — Рысна Сааре I; 3 — Мамекино; 4 — Любахин I; 5, 10 — Демидовка; 6 — Картамьшево; 7 — Борки; 8, 12 — Рысна Сааре II; 9 — Щербинское; 11 — Городна; 13 — Селиксенский; 14 — Полибино; 15 — Усть—Белая IV (по Амброзу 1970, Аун 1992, Башенькину 1995, Каргопольцеву 1994, Корзухиной 1978, Полесских 1962, Пронину 1988, Розенфельд 1982, Седову 1974, Терпиловскому 1986, Шмидту 1970)

Fig. 1 1 — Levocha Kobozha; 2 — Rysna—Saare I; 3 — Mamekino; 4 — Lyubakhin I; 5, 10 — Demidovka; 6 — Kartamyshevo; 7 — Borki; 8, 12 — Rysna—Saare II; 9 — Shcherbinskoe; 11 — Gorodna; 13 — Seliksenskiy; 14 — Ust—Belaya 4; 15 — Polibino (according to Ambrose 1970; Aun 1992; Bashen'kin 1995; Kargopol'tsev 1994; Korzukhina 1978; Polesskikh 1962; Pronin 1988; Rosenfeld 1982; Sedov 1974; Terpilovskiy 1986; Schmidt 1970).

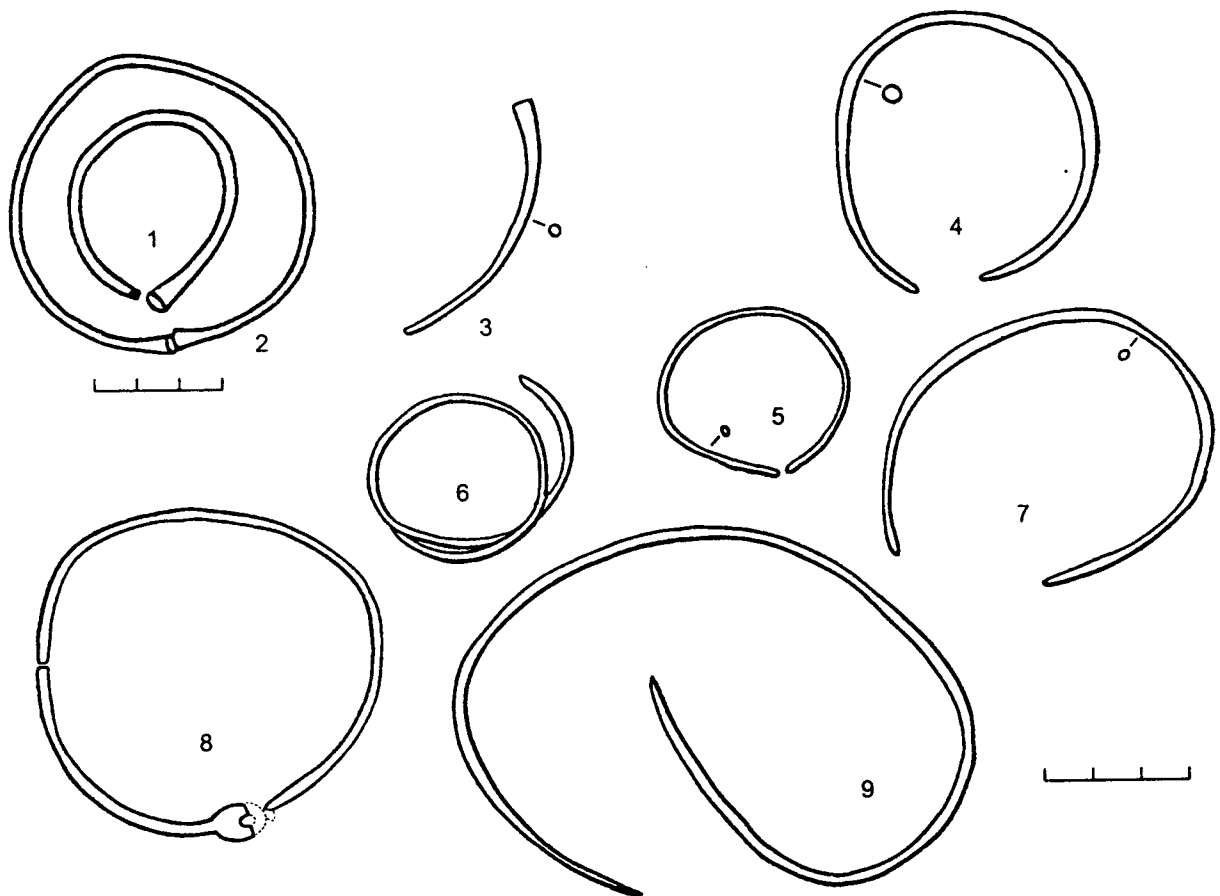


Рис. 2 1, 2 — Демидовка; 3 — Луковня; 4 — Боршево; 5, 7 — Отмичи; 6 — Топорок; 8 — Березняки; 9 — Попадьинское (по Розенфельд 1982, Шмидту 1970)

Fig. 2 1, 2 — Demidovka; 3 — Lukovnya; 4 — Borshevo; 5, 7 — Otmichi; 6 — Toporok; 8 — Bereznyaki; 9 — Popadyinskoe (according to Rosenfeld 1982; Schmidt 1970).

ной в Юго-Восточной Прибалтике (см. многочисленные примеры: Кулаков 1989).

Многие вещи балтского происхождения из лесной зоны с трудом поддаются датировке. Речь идет о таких украшениях как например посоховидные булавки, существующие до V—VI вв. и найденные на городище Демидовка (рис. 1: 10) (Перхавко 1978: 64). Браслеты с расширенными концами и гравированным декором обнаружены в Полибино, Надпорожье, Съезжем, Репях (рис. 3: 1, 6, 15, 16), Обрыни, Любахине 1, Бенецком, Шихине, Успенском, Кузьминском, Шатрищах, Безводном, Лукомле, Ульяновке, Курмани, Банцеровщине (Розенфельд 1982: 84, 85; Каргопольцев 1994: рис. 17:19). Они появляются в лесной зоне в позднеримское время (Каргопольцев 1994) и доживают по крайней мере до VII в., как свидетельствует находка в погребении 7 Кузьминского могильника вместе с «антской» фибулой (Спицын 1901: табл. 14: 2, 16: 4). Тем не менее ряд этих находок несомненно принадлежит V—VI вв. Так например браслеты с расширенными концами из кургана Репья (Лебедев 1978) были найдены в одном горизонте с бляшками-скорлупками,

верхняя дата которых VI в. (Седов 1974: 31, 32, 34).

Недавно В. В. Седов обратил внимание на малоизученную категорию украшений, браслетообразные височные кольца (Седов 1994а). Согласно В. В. Седову, распространение этих колец в лесной зоне связано с расселением славян в эпоху великого переселения народов. Такие кольца действительно имеются на славянских памятниках, например на некрополе колочинской культуры Княжий. Имеются они и на памятниках лесной зоны V—VI вв., например на городище Демидовка или на некрополе Безводное (рис. 2) (в погребениях 97 и 150, с вещами характерными для V в.) (Краснов 1980: 181, 182, рис. 40: 3). Однако появляются эти височные кольца в лесной зоне еще в позднеримское время. Так например они известны на поселении Каменная Лава (Лопатин, Фурасев 1995: рис. 2: 1), относящемся к памятникам типа Заозерье (Лопатин 1991). Эти памятники представляют собой вариант культуры типа среднего слоя Тушемли, относящейся к позднеримскому времени. Известны такие кольца и на мощинском горо-

дище Николо-Ленивец (Никольская 1962: рис. 8: 1). Верхнюю дату мощинской культуры принято относить к VII в. (например Седов 1982). На самом же деле, самые поздние вещи на мощинских памятниках относятся к V в., конкретно к периодам Д1—Д2 дунайской хронологии Я. Тейрала (приблизительно 380—410 и 410—440 гг.) (Tejral 1988). Это пряжка с хоботковым язычком из мощинского кургана Кажак (рис. 4: 2) (Булычев 1899: табл. 22: 13) и трехлопастные «гуннские» стрелы с максимальным расширением в средней части пера с Акиншинского городища (рис. 4: 6, 7) (Никольская 1959: рис. 15: 4). К концу IV и к V вв. отнесены пряжки с хоботковидным язычком и в крымской хронологии А. И. Айбабина (Айбабин 1990: рис. 22: 8—11). На городище Серенск была найдена местная Т-образная фибула с трапециевидной ножкой (рис. 4: 5) (Фролов 1970: рис. 1: 1) которую А. К. Амброз отнес к VI—VII вв. (Амброз 1971: 113, рис. 9: 28). Однако эти фибулы существовали уже в V в. Приведем в качестве примера погребение 97 Борковского могильника, где такая фибула найдена вместе с пряжкой с хоботковидным язычком (Спицын 1901: табл. 14: 6, 22: 6). Поздние фибулы окского типа также засвидетельствованы на мощинских памятниках (рис. 4: 3, 4, 9). Но и они существовали уже в IV—V вв., как это видно по находкам в Поречье (Массалитина 1991: 34) и в кургане Каржаки, в последнем случае с уже упоминавшейся «хоботковидной» пряжкой V в. (Булычев 1899: табл. 22: 14). Дунайская фибула типа Гурзуф (Kühn 1974: 727—742; Kiss 1982: 168), происходящая с городища Спас-Перекаша (рис. 4: 8) (Никольская 1959: рис. 20: 8), могла бы свидетельствовать о существовании мощинской культуры во второй половине V в. — первой половине VI в. (время появления фибул типа Гурзуф), однако ее связь с мощинскими древностями неясна. Таким образом, у нас есть все основания отнести височные кольца из Николо-Ленивца либо к позднееримскому времени (расцвет мощинской культуры), либо к эпохе великого переселения народов (время ее гибели). Далее, представляется проблематичной и связь браслетообразных колец только со славянами. Согласно сводке В. В. Седова больше всего их найдено в балтских комплексах восточной Литвы (17 памятников, по В. В. Седову), где они появляются в позднееримское время. Таким образом, имеются некоторые основания рассматривать браслетообразные височные кольца в культурах лесной зоны России как признак летто-литовского влияния.

Гривны окского типа, с нанизанными металлическими бусинами и проволочной обмоткой, довольно широко распространены в лесной зоне (рис. 5: 9—11) (Розенфельд 1982: 59), считаются балтскими (Седов 1987а: 94) или финно-угорскими (Корзухина 1978: 60). У балтов они известны уже для позднееримского времени (Vagnas 1984: fig. 7: 3, 10: 2), но в это же время появляются они и у финно-угров, причем в регионах настолько удаленных на восток (например в Удмуртии) (Семенов 1961: табл. 2: 21; Арматынская 1986: рис. 4: 23), что их исключительно балтская атрибуция представляется сомнительной. Не является исключительно балтскими и многоспиральные перстни (рис. 1: 12). Уже в III—V вв. они широко распространены у финского населения Эстонии (Аун 1992).

Головные металлические венчики (рис. 5: 1—8), называемые русскими археологами на латышский манер «вайнагами», считаются для лесных культур бесспорно балтским элементом. Дело, однако, представляется сложнее. Головные венчики лесной зоны сделаны из металлических спиралек, соединенных пластинчатыми выгнутыми обоймами. Такие венчики известны для целого ряда памятников лесной зоны позднееримского времени и эпохи великого переселения народов. Можно назвать в качестве примера Мошино, Кузьминский могильник, Шатрищи, Луковню, Синьково, Кузнечики, Безводное, Репьи (Булычев 1899: табл. 12: 2, 7; Спицын 1901: табл. 21: 11; Кравченко 1974: рис. 12: 2, 17: 9; Розенфельд 1982: рис. 1: 1—8; Лебедев 1978; Краснов 1980: рис. 22: 1—4). Ранняя датировка венчиков в лесной зоне подтверждается находками в кладе Мощинского городища вместе с балтскими браслетами IV в. и в погребении 67 могильника Безводное с пряжкой типа А по Келлеру, также IV в. Хорошо известны эти венчики и у летто-литовских племен, но появляются они там позднее, к VIII в., например на могильнике Кивты (Зариня 1986: 180, рис. 60в). В более раннее время у балтов доминируют венчики с литыми пластинами, а не с обоймами (Вашкевичюте 1982).

Но как бы там ни было, даже если не принимать во внимание находки окских гривен, многоспиральных перстней и венчиков с пластинчатыми обоймами, балтские, а точнее летто-литовские и западно-балтские вещи отчетливо выступают в материале лесных культур V—VI вв. Более того, есть основания полагать, что некоторые детали костюма западно- или центральноевропейского происхождения попадают в лесную зону России благодаря балтскому посредничеству. Имеются в виду рифленые В-образные пряжки

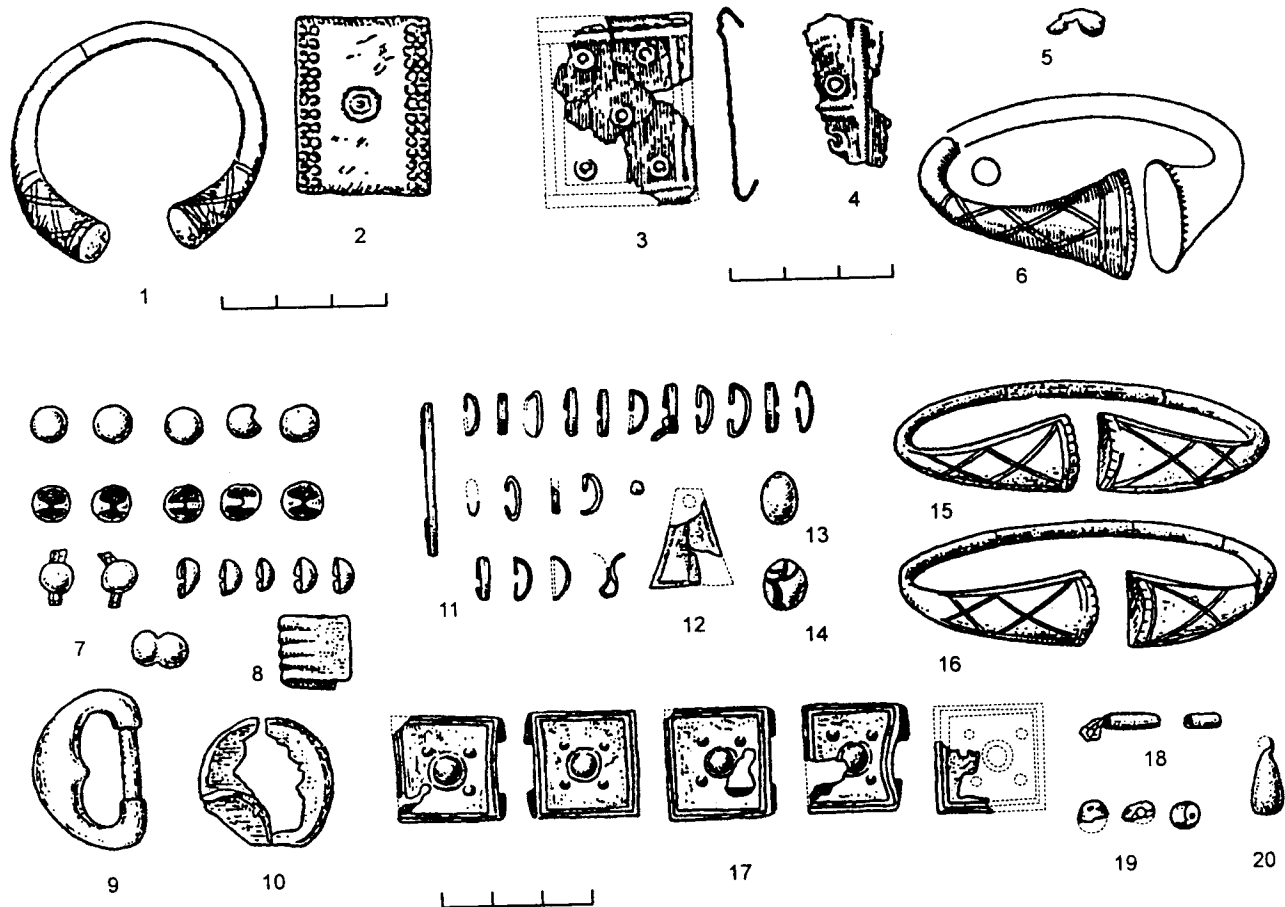


Рис. 3 1, 2 — Любахин I, курган 3; 3—6 — Полибино, курган 6; 7—20 — Репьи (7—10 — погребение 1, 11—14 — погребение 2, 15—20 — погребение 3) (по Башенькину 1995, Лебедеву 1978, Седову 1974)

Fig. 3 1, 2 — Lyubakhin 1, Kurgan 3; 3—6 — Polibino, Kurgan 6; 8—20 — Rypyi (7—10 — burial 1, 11—14 — burial 2, 15—20 — burial 3) (according to Bashen'kin 1995; Lebedev 1978, Sedov 1974).

V—начала VI вв., сравнительно недавно изученные И. А. Бажаном и С. Ю. Каргопольцевым (рис. 1: 14, 15) (Бажан, Каргопольцев 1989). Как предположил И. Вернер, в Северо-Западную Россию эти пряжки попадают через Литву (Werner 1981: 700).

Сложнее выделить в лесной зоне оружие балтского происхождения. Дело в том, что новые типы оружия очень быстро передавались от одного народа к другому и таким образом теряли этническую окраску. Тем не менее можно назвать несколько находок, летто-литовское или западно-балтское происхождение которых представляется бесспорным. Назовем топор литовского типа со щечками, найденный в длинном кургане на могильнике Усть-Белая, прямые аналоги которого известны в литовских комплексах V—VI вв., таких как Рекучай или Таврапилас, курган 6 (Каргопольцев 1994: 67, 68). Копья типа 2 по Казакевичюсу были обнаружены на тушемлинских городищах Близнаки и Демидовка (рис. 6: 4) (Хомутова 1982: 27, рис. 1: 1008; Шмидт 1970: рис. 3: 3). В Литве такие копия отнесены к V—

VII вв., а в Латвии и Скандинавии они имеют более широкую дату — III—VII вв. (Казакевичюс 1988: 36—41, рис. 13: 9). Такие же копия известны у прибалтийских финнов в Эстонии и Финляндии (Tallgren 1926: fig. 19; Appelgren-Kivalo 1907: pl. 1: 7), а также на меровингском Западе (Menghin 1983: 208, № 33, Abb. 2; 244, № 91, Abb. 19). Некоторые двушипные копия типа 7 по Казакевичюсу, найденные на Демидовке, в Шатрищах, в Сууре-Рысна (рис. 6: 5) (Шмидт 1970: рис. 3: 2; Кравченко 1974: рис. 35; Аун 1992: рис. 53), судя по овальной форме пера, явно происходят с Запада. Возможно, что в лесную зону России они попадают из Литвы и из балтского белорусского Понеманья, где этот тип оружия хорошо известен (Казакевичюс 1988: 55—57; Гуревич 1962: рис. 52: 3). Встречаются такие копия и Финляндии, а также в Скандинавии (Pihlman 1988: fig. 1). Обычно они датируются V—VIII вв., однако С. Ю. Каргопольцев предлагает, на основании финляндской находки Мерола 3, отнести их к IV—началу VI в. (Каргопольцев 1994: 74).

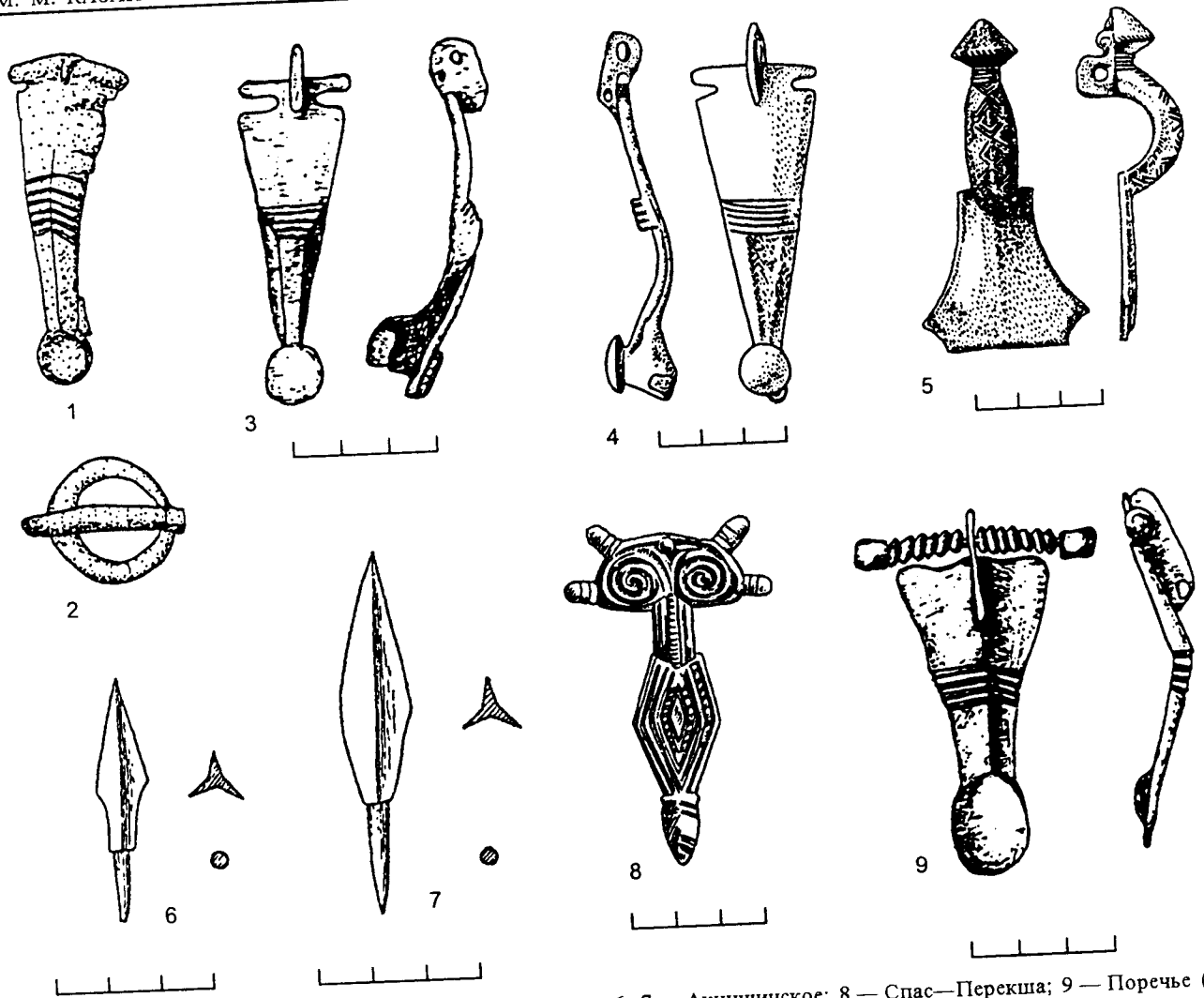


Рис. 4 1, 2 — Кажак; 3 — Огубское; 4, 5 — Серенск; 6, 7 — Акиншинское; 8 — Спас—Перекша; 9 — Поречье (по Амброзу 1970, Булычеву 1899, Массалитиной 1991, Никольской 1959, Фролову 1970)

Fig. 4 1, 2 — Kazhaki; 3 — Ogubskoe; 4, 5 — Serensk; 6, 7 — Akinshinskoe; 8 — Spas—Pereksh; 9 — Porechye (according to Ambrose 1970; Bulychev 1899; Massalitina 1991; Nikol'skaya 1959; Frolov 1970).

Но самая показательная находка происходит из Ижорского региона. Речь идет о кургане 45 могильника Доложский погост (Спицын 1896: 5, 109, табл. 18: 7, 16, 26). В кургане обнаружены остатки трупосожжения, перекрытые умбоном типа Либенау с «жемчужным» декором по краю поля. Кроме того в погребении найдены втульчатое копьё с ромбическим пером и кольчатые удила с трехчастными грызлами (рис. 6: 1—3). Дата погребения, как мы увидим далее, V в. Погребение было ошибочно отнесено к культуре длинных курганов (Кузьмин 1991: 90), однако, С. Ю. Каргопольцев совершенно справедливо указал на литовские параллели погребального обряда (смотри Вижай 2: Каргопольцев 1994: 66), а мною в свое время было показано литовское происхождение и самого умбона из Доложского погоста (Kazanski 1991).

В самом деле, за редчайшими исключениями, умбоны с «жемчужным» декором известны в первую очередь в Литве и в пролегающих районах Белоруссии. Они представлены в Черной Луже, Григишкесе, Киркитонисе, Памусисе, Таврапиласе, Версекелае, Вижяе (Kazanski 1991: fig. 4—6). За пределами балтской зоны мне известны, помимо умбона из Доложского погоста, лишь одна находка позднееримского времени в Норвегии и одна во Фландрии (Ikjaer 1990: fig. 189; Kazanski 1991: fig. 3). Восходят умбоны с «жемчужным» декором к редким позднееримским образцам из Скандинавии (Raddatz 1987: Taf. 79: 2), где, однако, этот тип оружия не привился. Умбоны с острым шипом типа Либенау характерны для эпохи переселения народов и окончательно исчезают к рубежу V—VI в. (Kazanski 1994a: 446), что и определяет дату погребения в Долож-

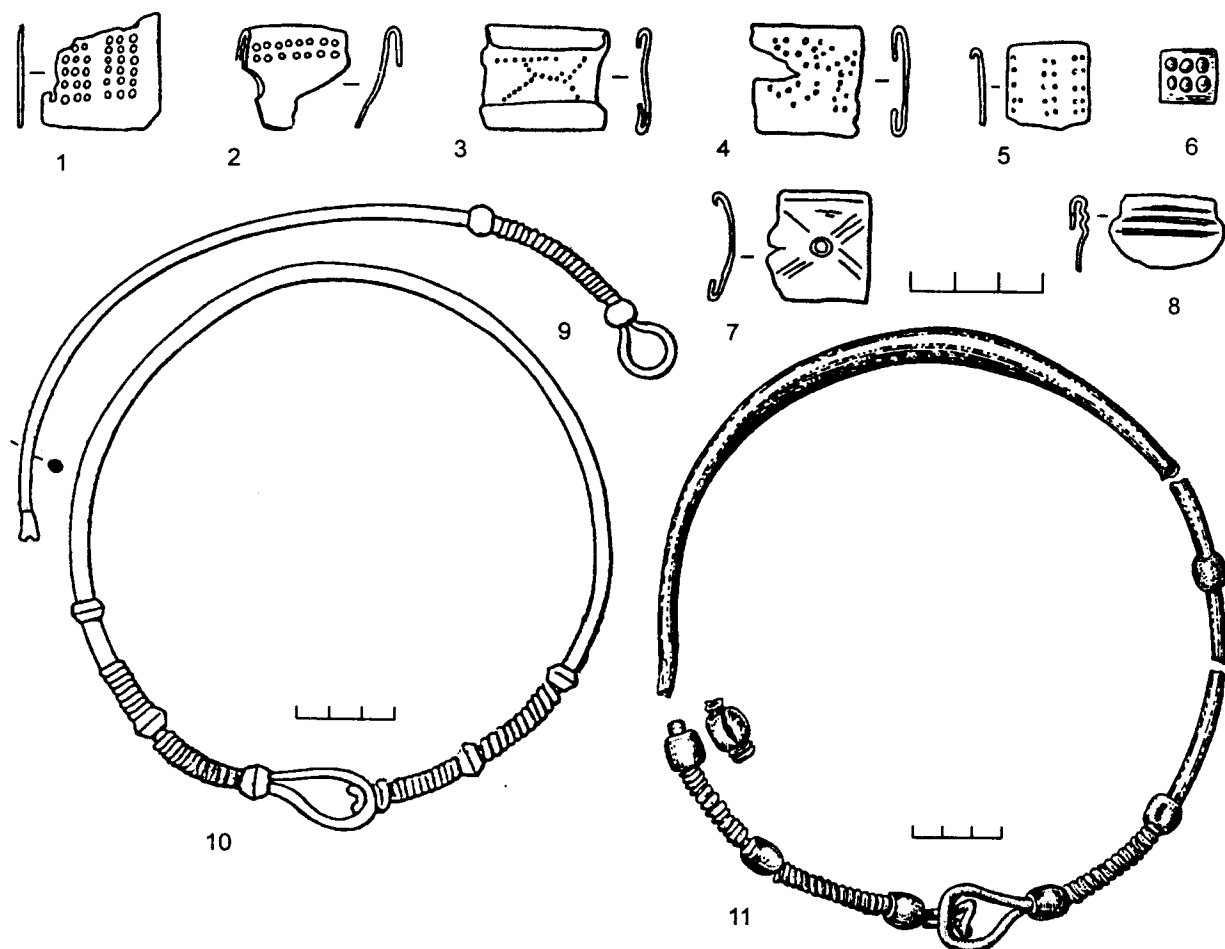


Рис. 5 1—4, 7, 8 — Луконья; 5 — Кузьминки; 6 — Синьково; 9 — Березняки; 10 — Дьяково; 11 — Козловка (по Корзухиной 1978, Розенфельд 1982)

Fig. 5 1—4, 7, 8 — Lukovnya; 5 — Kuzminki; 6 — Sinkovo; 9 — Bereznaki; 10 — Dyakovo; 11 — Kozlovka (according to Korzukhina 1978; Rosenfeld 1982).

ском погосте. Удила с трехчастными грызлами также характерны, по С. Ю. Каргопольцеву, в первую очередь для западных и летго-литовских балтов (Каргопольцев 1994: 66). Действительно, они были найдены в Пруссии, в частности в могильниках Суворово и Эльблонг (Кулаков 1990: табл. 3: 21, 10: 13, 11: 1, 12: 11, 14: 14), в Литве на некрополях Яунейкай, Каткишкес, Пликайгалис, Таврапилас, Жвиляй (Vaskeviciute 1987: fig. 3: 3; Kulikauskas, Kulikaukene, Tautavičius 1961: fig. 204; Kazakevičius 1993: fig. 80: 1, 5, 6; Tautavičius 1981: fig. 40: 5; Vaitkunskiene 1989: fig. 6) и наконец в Латвии: в Аграриеша, Кентскалнсе, Русишах, Сауке (nore 1974: p. 1: 6, 31: 2, 37: 1; Urtāns 1977: № 22, fig. 57: 17), список наверняка может быть продолжен. Из балтской зоны такие удила спорадически попадают на Готланд (Fornvännen 1902: fig. 97), в северную Швецию (Ramqvist 1992: fig. 80: 1, 5, 6), Эстонию (Mandel 1976: Taf. 6: 12), Финляндию (Hackman 1905: Abb. 15: 2). Дата всех этих комплексов V—VI вв. Изредка удила с трехчастными грызлами

фиксируются и в более поздних комплексах, например, Карелии, в эпоху викингов (Кочуркина 1981: табл. 2: 25). Копья с ромбическим пером типа 1Г по Казакевичюсу, хорошо известны у летго-литовских балтов (Казакевичюс 1988: 30—32), у других восточноевропейских народов в V—VI вв. они встречаются гораздо реже. Назовем в качестве примера находки в Эстонии (Шмидехельм 1955: рис. 55) и на Рязанщине, в Шатрищах (Кравченко 1974: рис. 18: 2). Таким образом, набор оружия из погребения в Доложском погосте является типично балтским и возможно свидетельствует о происхождении погребенного.

Сложнее судить о характере погребального обряда. К сожалению погребальные памятники эпохи великого переселения народов и раннего средневековья в Ижорском регионе изучены далеко недостаточно, известны лишь отдельные трупосожжения под каменными перекрытиями (Рябинин 1987). В восточнолитовских курганах, откуда происходит большинство аналогов оружия из Доложского погоста, также известны трупосожжения, но



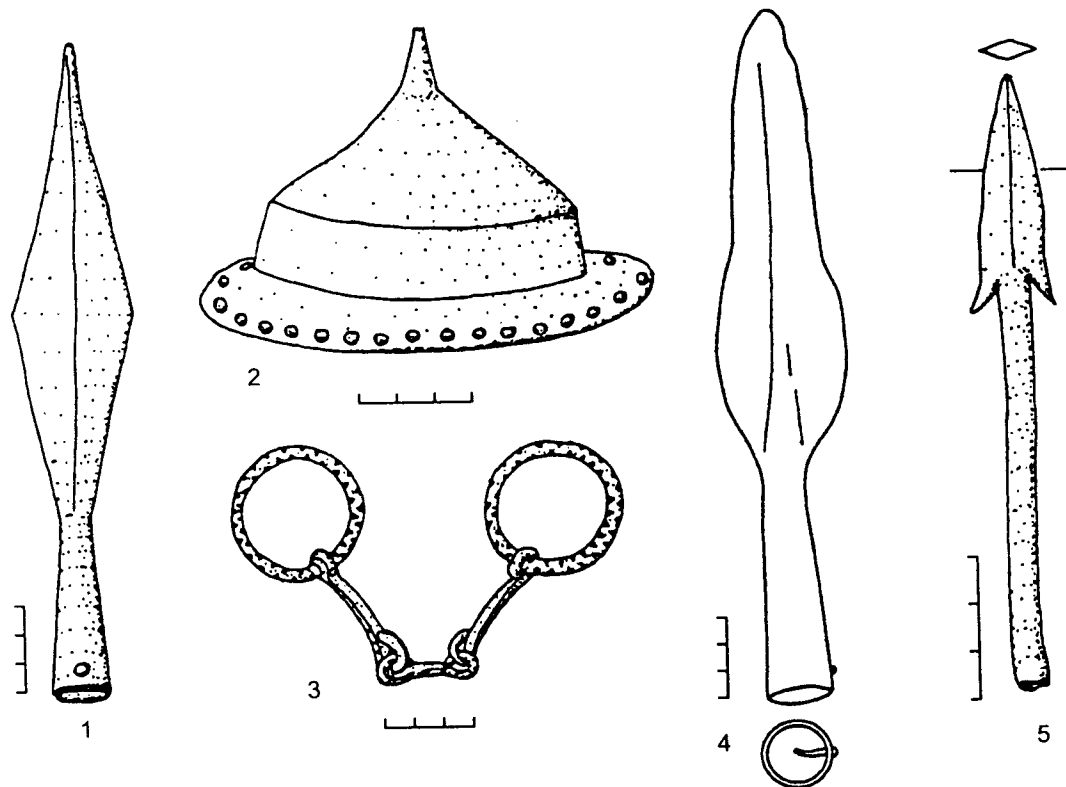


Рис. 6 1—3 — Доложский погост, курган 45; 4 — Демидовка; 5 — Сууре—Рысна (по Аун 1992, Спицыну 1896, Шмидту 1970)

Fig. 6 1—3 — Dolozhskiy Pogost, Kurgan 45; 4 — Demidovka; 5 — Suure—Rysna (according to Aun 1992; Spitsyn 1896; Schmidt 1970).

там остатки кремации обычно находятся в компактных ямах (Тауавичюс 1980: 83). Некий «след» может указать редкое для северной Европы сочетание в могиле умбона и удила. Большинство известных мне случаев такого сочетания опять-таки известны у балтов, в узко ограниченном регионе, в курганах группы Сувалки поздне римского времени и эпохи великого переселения народов. Это погребения Осова 41 (умбон, рукоять щита, удила, копьё, шпоры) (Jaskanis D., Jaskanis J. 1961: pl. 10), Осова 71 (умбон, удила, копьё) (Jaskanis 1961: pl. 5: 7—9), Швейцария 2 (умбон, удила, копьё, меч, топор, шпоры) (Antoniewicz, Kaczynski, Okulicz 1958: pl. 5), Швейцария 52 (умбон, удила, шпора) (Antoniewicz 1961: pl. 5). В Пруссии погребение 23 из Отенхагена (Полесье), где были найдены умбон, удила и шпора датируется раннеримским временем (Baranowski 1973: pl. 6). За пределами балтского мира в Северной Европе сочетание умбона и удила в погребении встречается редко, можно назвать княжеское погребение в Хегом, в Швеции, где в состав погребального оружия входили также меч, седло, узда, шпоры, топор, копьё, стрелы (Ramqvist 1992: pl. 16—61), да известные мне две находки в Финляндии: Айнола (умбон, удила, два меча, несколько копий) (Hirvilauto

1976), Маалакти-Юккайсбраунан (умбон, удила, копьё, меч) (Nackman 1905: «Fund 54»). Правда, в последних двух случаях нет уверенности, что это действительно индивидуальные погребения.

Балтские вещи эпохи великого переселения народов распространяются и к югу от лесной зоны, в лесостепи, и даже в степи. Так например, балтские фибулы с лопатковидной ножкой периода Д (вторая половина—последняя треть IV в.—первая половина V в.) (Bitner-Wroblewska 1986—1990: 52—58) известны не только в Белоруссии, на тушемлинском селище Гуры (Митрофанов 1978: 110, рис. 39: 1), но и в лесостепи, на поселении киевского типа Каменево 2 (Обломский 1991: рис. 3: 12; Терпиловский, Абашина 1992: рис. 42: 1) а также на территории бывших Каневского или Переяславского уездов (рис. 7: 1—4) (Отчет 1903: рис. 283). Стоит также упомянуть западно-балтскую фибулу V в. типа Шонварлинг (Schulze-Dörrlman 1986: 650—652) из Бабьей горы (рис. 7: 5) (Славяне 1993: 345, рис. 75: 6) и западно-балтский поясной наконечник периода Д, найденный в постройке 26 на черняховском поселении Рипнев (рис. 7: 8) (Bitner-Wroblewska 1989: 173). Зооморфная арбалетная фибула, происходя-

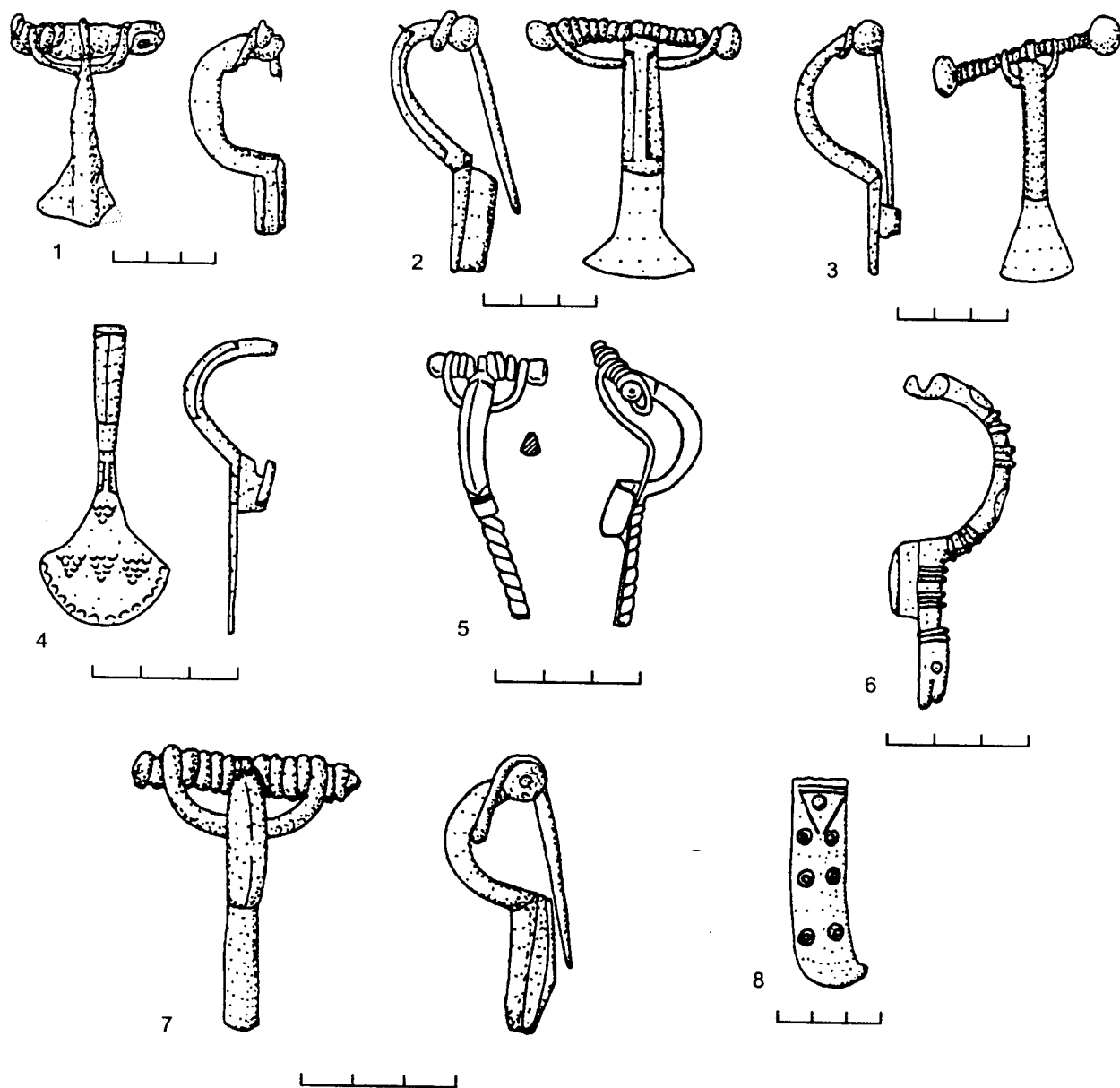


Рис. 7 1 — Гуры; 2, 3 — Каменево II; 7 — Среднее Поднепровье; 5 — Бабина Гора; 6 — Шульговка; 8 — Рипнев (по Митрофанову 1978, Обломскому 1991, ОАК 1903, Славяне... 1992)

Fig. 7 1 — Gury; 2, 3 — Kamenevo 2; 4, 7 — Central Dnieper Regions; 5 — Babina Gora; 6 — Shulgovka; 8 — Ripnev (according to Mitrofanov 1978; Oblomskiy 1991; OAK 1903; Slavonians... 1993).

шая из Шульговки (рис. 7: 6) и хранящаяся в Днепропетровском Историческом музее (инвентарный № А 797), явно родственна прусским фибулам конца V — начала VI вв. (ср. Кулаков 1990а). Наконец, в Краковском Археологическом музее мне удалось ознакомиться, благодаря любезности профессора Казимежа Годловского, с западно-балтской фибулой, происходящей откуда-то из Поднепровья (рис. 7: 7). В качестве параллелей можно назвать находки из Здоррена, Оберхофа (Aberg 1919: Abb. 52, 58), Билвинова (Kaczynski 1961: pl. 25: 1), Детлевсру, Суворова (Кулаков 1990: табл. 8: 5, 9: 14) и Хюненберга (Кулаков 1994: рис. 40: 2).

Таким образом, в восточной Европе в эпоху великого переселения народов выявляется немногочисленная, но выразительная серия балтских вещей, связанная по происхождению с летто-литовским и западно-балтским регионом. Среди этих вещей выделяются как предметы женского убора, так и детали мужского костюма, а равно и предметы вооружения и конского снаряжения. Следует напомнить, что в архаических обществах предметы женского рядового костюма не могут быть предметом импорта или заимствования, поскольку они сакрализованы и отражают систему религиозных взглядов, специфичную для данного народа. Иными сло-

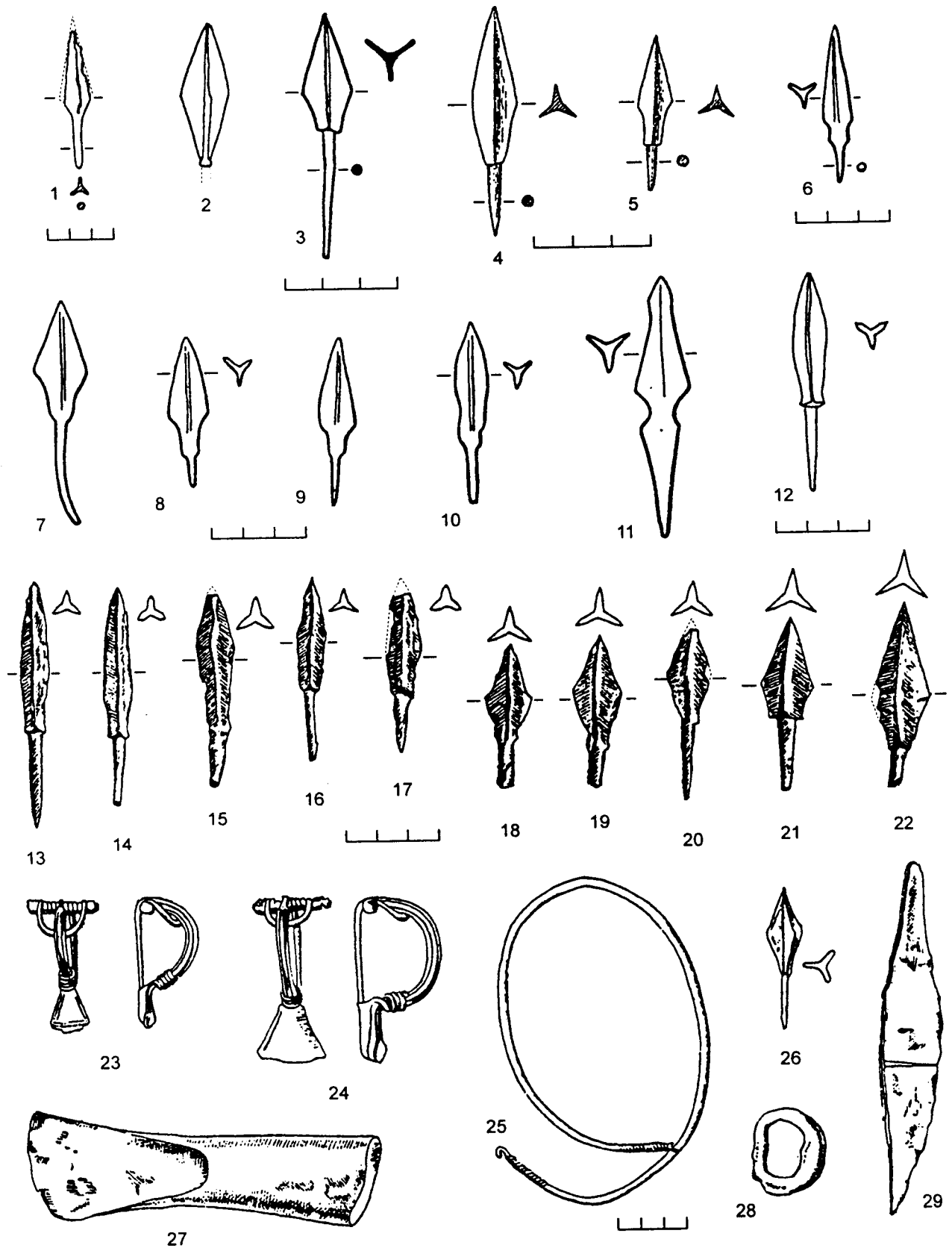


Рис. 8 1 — Колодезный Бугор; 2 — Тайманова; 3 — Песчаное; 4, 5 — Акиншинское; 6 — Кунцево; 7—10 — Демидовка; 11 — Попадьинское; 12 — Узмень; 13—22 — Аукштадварис; 23—29 — Плинкайгалис, погребение 336 (по Горюнову 1981, Казакиявичюсу 1993, Розенфельд 1982, Третьякову 1974).

Fig. 8 1 — Kolodeznyi Bugor; 2 — Taymanova; 3 — Peschanoe; 4,5 — Akinshinskoe; 6 — Kuntsevo; 7—10 — Demidovka; 11 — Popadyinskoe; 12 — Uzmen; 13—22 — Aukshtadvaris; 23—29 — Plinkaigalis, burial 336 (according to Kazakiavichus 1993; Goryunov 1981; Rosenfeld 1982; Tretyakov 1974).

вами появление балтских вещей в лесной зоне России связано с реальным присутствием здесь выходцев из юго-восточной Прибалтики. Вряд ли эти выходцы были многочисленны, они не оставили глубоких следов в материальной культуре местного населения, за исключением некоторых деталей металлического убора и отдельных предметов вооружения. Речь может идти о каких-то изолированных группах, проникших в среду местного финно-балто-славянского населения лесной зоны, в частности, в культуры: длинных курганов, тушемлинскую, позднедьяковскую, мощинскую, рязано-окских могильников). Но были они не одни и появление их в лесной зоне России связано здесь с резким обострением военной ситуации.

В эту же эпоху отмечается проникновение в лесную зону восточногерманских вещей, в том числе деталей мужского воинского костюма (пряжки с почковидным щитком) (рис. 1: 5, 7) и предметов вооружения (Амброз 1970; Werner 1977; Казакевичюс 1986; Kazakevičius 1992; Шименас 1990). Вероятно, тогда же здесь появляются отдельные элементы склавинской культуры пражского типа. К этим элементам можно отнести формы сосудов в некоторых погребениях культуры длинных курганов (Седов 1982: 50, 51) и полуземлянки с печами-каменками на ранних тушемлинских поселениях (Седов 1982: 39, 40), как например в Дедиловичах (Митрофанов 1978: 84—89). Находки дунайско-германских фибул V в. типа Прага (Schulze-Dörrlman 1986: 650) на склавинском поселении Кодын, а также в восточнолитовских курганах показывают существование каких-то связей между этими тремя этносами. Видимо, проникшие в лесную зону России группы, пришедшие с Запада (из Карпатского региона через Литву?) носили смешанный характер. Общее осложнение военно-политической ситуации на среднем Дунае в середине второй половине V в. (падение гуннской «империи», войны между германскими королевствами) могло быть причиной оттока части населения Карпатского бассейна в другие регионы Европы, как это произошло, например, с герулами, ушедшими в Скандинавию. Известный факт посольства балтов-эстиев к Теодориху показывает, что между юго-западной Прибалтикой и Дунаем существовали какие-то налаженные пути сообщения, по которым дунайские дружины (восточные германцы и склавины?) могли пройти в Литву, а оттуда, вместе с балтами, в лесную зону России.

О характере их деятельности можно судить по двум фактам. Во-первых территория лесной зоны, от Литвы до верхней Волги покрывается сетью укрепленных поселений (Дагудис 1990; Шмидт 1970; Штыхов 1978: 7, 8;

Фурасьев 1994; Петров, Фурасьев 1995: 50, 51). Разумеется, городища здесь существовали и ранее (см., например, Фурасьев 1996), но исследователи отмечают резкое возрастание их количества, начиная с V в. На ряде городищ лесной зоны отмечены явные следы разрушений, которые иногда можно датировать V—первой половиной VI в. Я имею в виду в первую очередь такие памятники как Демировка, Аукштадварис, Аукуро-Калнас. Кроме того, на поселениях, и в частности в трех вышеуказанных пунктах в слое разрушений, найдены явно чужеродные трехлопастные наконечники стрел «гуннского» типа. Они известны также на Демировке, Узмени, Кунцеве, Акиншинском городище, Попадьинском селище, Аукштадварисе, Аукуро-Калнасе, Куничишкай-Паявонисе, на городище в Вильнюсе. Одна стрела засела в костях скелета человека, погребенного на литовском некрополе Плинкайгалис (Минасян 1979: рис. 2: 27; Шмидт 1970: рис. 3: 7—9; Розенфельд 1982: 127, 128, рис. 31: 18, 27; Никольская 1959: рис. 15: 4, 7; Казакевичюс 1986; 1988: 67—72; Лухтан 1996) (рис. 8: 4—22, 26).

Находки трехлопастных стрел принято связывать с какими-то враждебными акциями кочевников из Подунавья или южнорусских степей (например, Лухтан 1996). Столь глубокое проникновение кочевников в лесную зону мне представляется сомнительным. Даже в эпоху татарского нашествия XIII в. кочевники до Литвы и Псковщины самостоятельно не добивались, хотя их отдельные группы и попадали туда в составе новгородских войск. Во время известного похода Бурундая «на Литву» (то есть против королевства Миндовга в западной Белоруссии и на восточной окраине Литвы), наиболее активные операции вели не татары, а галицкие князья. Далее, и это самое главное, трехлопастные наконечники стрел в V в. не являлись более исключительно гуннским оружием, они известны даже у франков в северной Галлии (Kazanski 1991a: 135, 136, fig. 7: 24). Известны они и у славянского населения позднекиевской-раннекологичинской культуры в бассейне среднего и верхнего Днепра. По контексту находки или по типу пера к V в. могут быть отнесены стрелы найденные на Колодезном Бугре, в Тайманове, в Песчаном (рис. 8: 1—3) (Третьяков 1974: рис. 16: 6; Гуринов 1982: 69, рис. 36: 33; Горюнов 1981: рис. 2: 20). На поселении Хитцы, в жилище пеньковской культуры, датированном по лепной керамике и присутствию черняховских фрагментов посуды ранним этапом (V в.), найдена даже костяная накладка сложного лука, который необходим для использования трехлопастных стрел (Горюнов 1981a: рис. 21: 9).

Вряд ли резкое возрастание военной опасности в лесной зоне в V—первой половине VI вв. связано только с прорывом германо-балто-славянских дружин с Запада. Не исключено и давление со стороны южного населения, например славян раннеколичинской культуры. Ясно, однако, что распространение западно-балтских и летто-литовских элементов произошло здесь в специфической обстановке «смутного времени», когда отдельные военизированные группы западного происхождения могли очень далеко проникать в лесную зону и играть там существенную военную и даже политическую роль. Не исключено, что эта ситуация отражена в этногеографическом описании восточной Европы у Иордана, который помещает балтов-эстиев по соседству с акацирами азовско-кавказских степей (Jordanes, 36). Возможно какие-то отряды балтов действительно могли проникнуть далеко на восток и войти в контакт с кочевым населением южнорусских степей. Таким образом, локализация эстиев Иорданом, от «Океана» (Балтийского моря) до акацир, соответствует скорее зоне военной активности балтов, чем реальной территории их сплошного расселения. Возможно впрочем и иное объяснение. Как известно, античные географы представляли себе восточную Европу в виде узкого перешейка между Меотидой и Балтикой. Иордан в своем экскурсе несомненно следовал той же традиции и в этом случае соседство меотийских акацир с балтами является результатом его «ученой» реконструкции.

Возможно с «западной» экспансией связано появление в лесной зоне России этнонимов западно-балтского происхождения, таких как «кривичи» (Хабургаев 1979: 195; Мачинский 1986: 18) или «голядь» (Вилинбахов, Энгватов 1963; Попов 1973: 94, 95). В свете балтских находок на Северо-Западе особый интерес представляет этноним «нерома» или «нерова», зафиксированный на Северо-Западе России «Повестью временных лет» в бассейне Чудского озера. Топонимия, связанная с неромой распространена шире, она охватывает и район озера Ильмень. Обычно этот народ относят к числу финских (Попов 1973: 70; Мачинский 1986: 7—12). Однако в одной из копий XVI в. Повести временных лет указано, что «Нерома сиречь Жмудь» (Мачинский 1986: 7, 8). Далее, такие топонимы как Нарва, Нерета, Мереть, Мерета и т. д. могут иметь и балтскую этимологию (Агеева 1989: 199). Таким образом, имеются некоторые основания считать нерому балтским этносом. По мнению В. В. Седова под именем неромы скрывается финский народ воль, проживавший в Ижорском регионе (Седов 1987: 41, 42). Не исключено, что эти два этнонима действительно частично перекрывают друг друга и отражают сложную ситуацию в Ижорском регионе, где, как мы видели, имеются погребения с инвентарем балтского характера (Доложский погост) и где действительно позднее зафиксирована финская воль, видимо, ассимилировавшая балтскую нерому.

- Агеева, Р. А. 1989. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. Москва.
- Айбабин, А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 1: 3—86.
- Александров, А. А., Т. Е. Ершова. 1992. Балтика в Псковской земле: древняя Русь и раннее средневековье // Насельничества Беларуси и смежных территорий у эпоху жалеа: 18—21. Минск.
- Амброз, А. К. 1970. Южные художественные связи населения верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи: 70—74. Москва.
1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы 2 // Советская археология 3: 106—132.
- Армагынская, О. В. 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века: 26—46. Устинов.
- Аун, М. 1985. Балтийские элементы в материальной культуре Эстонии второй половины I тыс. н. э. // Проблемы этнической истории балтов: 36—39. Рига.
1992. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.
- Бажан, И. А., С. Ю. Каргопольцев. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 198: 28—35.

- Башенькин, А. И. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси: 3—29. Санкт-Петербург.
- Бульчев, Н. И. 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. Москва.
- Вашкевичюте, И. 1989. Древнейшие головные венки земгалов // Древности Белоруссии и Литвы: 56—61. Минск.
- Вилинбахов, В. Б., Н. В. Энгватов. 1963. Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди // Slavia Occidentalis 23: 233—267.
- Горюнов, Е. А. 1981. Славянское поселение середины I тыс. н. э. у с. Песчаное Белгородской обл. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 171: 61—65.
- 1981a. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград.
- Гуревич, Ф. Д. 1962. Древности Белорусского Понеманья. Москва-Ленинград.
- Гурин, М. Ф. 1982. Древнее железо Белорусского Поднепровья. Минск.
- Даугидис, В. 1990. Городища Литвы V—VIII вв. // История и археология Пскова и Псковской земли 1989: 61—63. Псков.

- Зарина, А. Е.* 1986. Одежда жителей Латвии VII—XVII вв. // Древняя одежда народов восточной Европы: 172—189. Москва.
- Казакевичюс, В.* 1986. Погребение с наконечником стрелы из могильника Плинкайгалис // Советская археология 3: 238—243.
1988. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.
- Каргопольцев, С. Ю.* 1994. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв. Архив ИИМК РАН. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Корзухина, Г. Ф.* 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Ленинград.
- Кочуркина, С. И.* 1981. Археологические памятники корелы V—XV вв. Ленинград.
- Кравченко, А. А.* 1974. Шатрищенский могильник // Археология Рязанской земли: 116—183. Москва.
- Краснов, Ю. А.* 1980. Безводнинский могильник. Москва.
- Кузьмин, С. Л.* 1991. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: 87—98. Ленинград.
- Кулаков, В. И.* 1989. Могильники западной части мазурского Поозерья конца V—начала VIII вв. // *Barbaricum* 89: 148—275. Warszawa.
1990. Древности пруссов VI—XIII вв. Москва.
- 1990а. Звериноголовые фибулы балтов (V—VIII вв.) // Советская археология 2: 204—214.
1994. Прусы (V—XIII вв.). Москва.
- Лебедев, Г. С.* 1978. Сопка у д. Репьи // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 155: 93—99.
- Лопатин, Н. В.* 1991. Южные традиции в керамике смоленского Поднепровья и северной Белоруссии в первой половине I тысячелетия н. э. // Археология и история Юго-Востока Руси: 50—53. Курск.
- Лопатин, Н. В., А. Г. Фурасев.* 1995. О роли памятников III—V вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцевщины // Петербургский Археологический Вестник 9: 136—142.
- Лухтан, А.* 1996. Война в Литве в V веке // Балтусь у системе трансеурапейских сувазау у I тысячагодзи н. э.: 53, 54. Минск.
- Мачинский, Д. А.* 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север: 3—29. Ленинград.
- Массалитина, Г. А.* 1991. Мощинский клад // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 205: 29—37.
- Минасян, Р. С.* 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Государственного Эрмитажа 20: 169—185.
- Митрофанов, А. Г.* 1978. Железный век Белоруссии. Минск.
- Никольская, Т. Н.* 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. Москва.
1962. Городище у деревни Николо-Ленивец // Советская археология 1: 221—240.
- Отчет.* 1903. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. Санкт-Петербург.
- Обломский, А. М.* 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. Москва.
- Перхавко, В. Б.* 1978. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник Московского университета История 2: 59—72.
- Петров, Н. И., А. Г. Фурасев.* 1995. Городища культуры псковских длинных курганов и Балтийско-Волжский путь // Древности Северо-Западной России: 47—51. Санкт-Петербург.
- Полесских, М. Р.* 1962. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры: 5—56. Саранск.
- Попов, А. И.* 1973. Названия народов СССР. Ленинград.
- Пронин, Г. И.* 1988. Исследование памятников второй I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины // Советская археология 4: 169—188.
- Рябинин, Е. А.* 1987. Об исследовании средневековых могильников в Ленинградской области // Известия Академии наук Эстонской ССР 36/4: 408—410.
- Розенфельд, И. Г.* 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. Москва.
- Седов, В. В.* 1974. Длинные курганы кривичей. Москва.
1987. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья: 34—42. Москва.
- 1987а. Племена культуры рязано-окских могильников // Финно-угры и балты в эпоху средневековья: 93—97. Москва.
1994. Славяне в древности. Москва.
- 1994а. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // Российская археология 2: 56—69.
- Семенов, В. А.* 1961. Петропавловский могильник VI—VII вв. в Южной Удмуртии // Вопросы археологии Урала 7: 164—171.
- Славяне.* 1993. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Спицын, А. А.* 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Материалы по археологии России 20. Санкт-Петербург.
1901. Древности бассейнов Оки и Камы. Материалы по археологии России 25. Санкт-Петербург.
- Таутаевичюс, А.* 1980. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. // Из древнейшей истории балтских народов: 80—88. Рига.
- Терпиловский, Р. В.* 1986. Колочинская культура // Археология Украинской ССР 3: 167—174.
- Терпиловский, Р. В., Н. С. Абашина.* 1992. Памятники киевской культуры. Киев.
- Третьяков, П. Н.* 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности: 40—118. Ленинград.
- Фролов, И. К.* 1970. Нижний горизонт городища у д. Серенск // Древние славяне и их соседи: 80—82. Москва.
- Фурасев, А. Г.* 1995. Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский Археологический Вестник 9: 143—150. Санкт-Петербург.
- Хабургаев, Г. А.* 1979. Этнонимия «Повести временных лет». Москва.
- Хомутова, Л. С.* 1982. Кузнечная обработка на поселениях Смоленщины в эпоху железа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 170: 27—34.
- Шименас, В.* 1990. Великое переселение народов и балты // Археология и история Пскова и Псковской земли 1989: 72—74. Псков.
- Шмидхельм, М. Х.* 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Шмидт, Е. А.* 1970. О культуре городищ-убежищ левобержной Смоленщины // Древние славяне и их соседи: 63—69. Москва.

- Штыхов, Г. В. 1978. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск.
- Aberg, N. 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Leipzig-Upsala.
- Antoniewicz, J. 1961. Badania kurhanów z okresu rzymskiego dokonane w 1957 r. w miejscowości Szwa-jcaria, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne 27/1: 1—26.
- Antoniewicz, J., M. Kaczyński M., J. Okulicz. 1958. Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Szwa-jcaria, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne 25/1—2: 22—57.
- Appelgren-Kivalo, Hj. 1907. Suomalaisia pukuja myöhemmältä rautakaudelta. Helsinki.
- Baranowski, T. 1973. Rząd koński z wodzami łańcuchowymi na terenie Europy środkowej w okresie wpływów rzymskich // Archaeologia Polski 18/2: 391—477.
- Bierbrauer, V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto.
- Bitner-Wroblewska, A. 1986—1990. Zapinki z gwiazdzistą i łopatkowatą nóżką z południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku // Wiadomości Archeologiczne 51/1: 49—88.
1989. Elementy baltijskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim 2: 161—177. Lublin.
- Fornvännen. 1902. Tillväxten under ar 1907 // Fornvännen 2: 267—270.
- Godłowski, K. 1980. Zur Frage der völkerwanderungszeitliche Besiedlung in Pommern // Studien zur Sachsenforschung 2: 63—106.
1981. Okres wędrówek ludów na Pomorzu // Pomorania Antiqua 10: 65—129.
- Hackman, A. 1905. Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsinki.
- Hirvilaute, A. L. 1976. Ainolau aselöytö // Suomen Museo 83: 59—67.
- Ilkjaer, J. 1990. Illerup Adal. 1. // Die Lanzen und Speere. Aarhus.
- Jaskanis, D., J. Jaskanis. 1961. Sprawozdanie z badań w r. 1957 na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne 27/1: 27—48.
- Jaskanis, J. 1961. Wyniki badań przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki w latach 1958—1959 // Rocznik Białostocki 2: 131—191.
- Kaczyński, M. 1961. Cmentarzysko kurhanowe z V—VI w. m miejscowości Bilwinowo, pow. Suwałki // Rocznik Białostocki 2: 199—276.
1963. Materiały z badań 1934 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Sudata, pow. Świąciany na Wileńszczybie (LSSR) // Wiadomości Archeologiczne 29/2: 138—156.
- Kazakjevičius, V. 1992. The Great Migration period and the Balts according to the archaeological data from Lithuania // Peregrination Gothica 3: 91—102. Oslo.
1993. Plinkaigalio kapinynas (Lietuvos Archeologija 10). Vilnius.
- Kazanski, M. 1991. Quelques objets baltes trouvés en Gaule, datés entre la fin du IV-e siècle et le VIII-e siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique // Archéologie Médiévale 21: 1—20.
- 1991a. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IV—V-e s.) // Journal of Roman Archaeology 4: 123—139.
1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des V—VI-e siècles // Archéologie Médiévale 24: 137—198.
- 1994a. Les éperons, les umbo, les manipules de bouclier et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten: 429—485. Marburg-Lublin.
- Kiss, A. 1982. Germanische Grabfund der Völkerwanderungszeit in Jobbogy // Alba Regia 19: 167—185.
- Kühn, H. 1974. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz.
- Kulikauskas, P., R. Kulikauskene, A. Tautavičius. 1961. Lietuvos archeologijos bruoai. Vilnius.
- Mandel, M. 1976. Ausgrabungen einer Steinsetzung in Lihula // Известия Академии наук Эстонской ССР 12: 56—58.
- Menghin, W. 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart.
- Merowingerzeit. 1995. Merowingerzeit Die Altertümer im Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin. Mainz.
- Miletič, N. 1978. Reflets des Grandes Invasions en Bosnie-Herzégovine // Problemi seobe naroda u Karpat-skoj kotlini: 97—116. Novi-Sad.
- Picardie. 1986. La Picardie, berceau de la France. Amiens.
- Pihlman, S. 1988. Finlands folkvandringstida vapengravar: kontakter och locala drag // Iskos 7: 177—182.
- Raddatz, K. 1987. Der Thorsberger Moorfund Katalog. Teile von Waffen und Pferdgeschirr. Neumünster.
- Ramqvist, P. H. 1992. Högom I. The Excavations 1949—1984. Neumünster.
- Schulze-Dörrlamm, M. 1986. Romanisch oder germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelfibeln des 5. und 6. Jahrhundert n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 33: 593—720.
- Šnore, E. 1974. Vidējais dzelzs laikmets (pāreja uz šķiru sabiedrību) 5—9 gs. // Latvijas PSR Archeologija: 133—179. Rīga.
- Tallgren, A. M. 1926. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. // Acta Commentationes Universitatis Dorpatensis 8, B.
1938. The Prehistoria of Ingria // Eurasia Septentrionalia Antiqua 12: 79—108.
- Tautavičius, A. 1981. Taurapilio «kunigaikšio» kapas // Lietuvos Archeologija 2: 18—43.
- Tejral, J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaunraum // Archaeologia Austriaca 72: 223—304.
- Urtans, V. 1977. Senākie depoziiti Latvijā. Rīga.
- Vaitkunskiene, V. L. 1989. IVa. Lietuvos karys raihlis // Lietuvos Mosklu Akademijos darbai 2 (108): 55—67.
- Varnas, A. 1984. III—Va. Vaitekunu (Radviliskio raj.), pilkapynas // Lietuvos Mosklu Akademijos darbai 2 (87): 24—38.
- Vaskeviciute, I. 1987. Jauneikai (Joniskio raj.) V-XIa kapinynas // Lietuvos Mosklu Akademijos darbai 2 (87): 24—38.
- Vinski, Z. 1957. Arheoloski spomenici velike seobe naroda u Srijemu. Ljubljana.
- Werner, J. 1977. Der Grabfund von Teodorichs // Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit: 87—92. Bonn.
1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.—6. Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte 1: 695—701.